

5. М.Завада, Ю.Куликов: Четыре генсека. Газета Комерсантъ. 2006. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kommersant.ru/doc/704123>
6. Соединенные Штаты Америки: Конституция и законодательство / Под ред. О. А. Жидкова. М.: Прогресс, Универс, 2013.
7. Становление и развитие североамериканских штатов в период формирования американского федерализма: XVII - середина XX вв.: диссертация док. ... юрид. наук: 12.00.01 / Миряшева Екатерина Владимировна. М., 2015. 231 с.
8. Конституция Российской Федерации. М. : АЙРИС- К65 пресс, 2016. 64 с.
9. Марченко Г.В. Региональные проблемы становления новой российской государственности. М., 1998. 260 с.
10. Домрин А.Н. Федеральная интервенция: особенности правового регулирования в зарубежных странах // Журнал российского права. 1998. № 3. С. 111-115.
11. Лавриненко И. Г. К вопросу о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и ее субъектов // Регионология. 1996. № 5. С. 241-245.
12. Медведев Н. П. Национальная политика России. От унитаризма к федерализму. М., 1993. 125 с.

К ВОПРОСУ О СООТНОШЕНИИ РОССИЙСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ПРАВА И МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

А.И. Парфенова,
студентка ИГиП ТюмГУ
направление «Юриспруденция»
Nasty_a_nasty_a_p@bk.ru
Научный руководитель:
Е.Н. Бырдин,
доцент кафедры теории государства и
права и международного права ИГиП ТюмГУ,
кандидат юридических наук, доцент

Вопрос соотношения международного и внутригосударственного права не первое десятилетие вызывает живой интерес и является предметом спора специалистов как в области международного, так и в области конституционного права. Он обусловлен необходимостью выбора между национальными и международными правовыми нормами в случае их противоречия при регламентировании одних и тех же правоотношений. Наиболее остро данный вопрос стоит в настоящее время. Это напрямую связано с интеграционными процессами, ведущими к взаимозависимости государств, все более тесному сближению и взаимодействию их правовых систем, что, в свою очередь, становятся причиной появления большого числа международных договоров, часто совпадающих по предмету регулирования и сфере действия с актами национального законодательства и, соответственно, являющимися причиной возникновения коллизий.

Данная проблема нашла свое отражение в следующих концепциях - монистической (представленной в двух основных направлениях, предполагающих подразделение на две самостоятельные и отличных друг от друга теории) и дуалистической. Развитие этих теорий напрямую связано с социально-политической обстановкой в мировом сообществе и уровнем развития отдельных стран, поэтому, для лучшего понимания специфики развития соотношения международного и национального российского права, необходимо проследить путь его исторического развития.

Досоветский период развития Российского права главным образом был связан с работами западноевропейских ученых, что было обусловлено недостаточным развитием как национальной правовой системы, так и правовых систем других стран, отсутствием равноправных отношений между ними, необходимых для партнерского сотрудничества на межгосударственном уровне. В качестве равноправных партнеров, то есть субъектов международного права, в этот период выступали в большинстве своем только европейские и американские государства. Непосредственно же развитие российского национального права, начавшись в конце XIX в. с возникно-

вением СССР, продолжается вплоть до наших дней. Для рассмотрения этого процесса необходимо обратиться к упомянутым выше теориям соотношения международных и внутригосударственных правовых систем.

Исторически первой концепцией, получившей развитие в советском государстве, стала монистическая теория, утверждающая примат норм внутригосударственного права, т.е. фактическое рассмотрение международного права в качестве его отрасли.

Данная разновидность монистической теории базировалась на трудах Гегеля о государстве и праве и была разработана во второй половине XIX — начале XX века российским ученым-юристом П.Н. Даневским, а также немецкими учеными А. Цорном, А. Лассоном и другими.

Стоит отметить, что в отличие от западной концепции примата внутригосударственного права, советская правовая доктрина признавала приоритет над международным правом не национального права вообще, а только советского национального права, находившегося в то время в стадии становления общедемократических начал. Наиболее детальную разработку этот подход получил в работах А.Я. Вышинского.

Общая концепция примата национального права исходила из того, что основанием действительной силы норм международного права является воля отдельного государства, регулирующая его отношения с другими странами. Согласно этой теории, государство абсолютно не ограничено в международных отношениях, а применение силы против других государств является допустимым и вполне оправданным. Так, Лассон считал, что «государство оставляет за собой свободу решать, соблюдать международное право или нет, в зависимости от того, диктуется ли это его интересами». Однако эти взгляды не только вели, как считал советский и эстонский правовед Р.А. Мюллерсон, к правовому нигилизму [1], но и нашли применение в политических целях для оправдания тоталитаризма и фашизма. Так, например, получив широкое распространение в Германии XIX- начала XX века, они явились одним из факторов, повлиявших на формирование произвола в международных отношениях, на отказ от общепризнанных норм международного права и заключенных государством договоров. В настоящее время это направление почти не имеет сторонников и представляет собой лишь исторический интерес.

Вторая монистическая концепция - концепция приоритета международного права - начала свое развитие после окончания Первой мировой войны, став способом навязывания странами Антанты удобного им международного порядка, и была наиболее детально разработана в трудах австрийского профессора Г. Кельзена, в проекте которого выдвигалась идея установления мирового правопорядка на основе добровольного подчинения суверенных государств органам международной юрисдикции [2]. Сторонники данной теории отрицают существование государственного суверенитета, а также полностью «подчиняют» национальное право международному, по их мнению, определяющему территориальную, персональную и временную сферы действительности национальных правопорядков. По сути, именно эти идеи позже легли в основу происходившего на рубеже XX и XXI веков процесса евроинтеграции, начавшего свое бурное развитие после Второй мировой войны.

Дуалистическая теория, в противовес монистической, исходит из того, что международное и национальное право представляют собой разные правопорядки. На ее становление оказала влияние теория юридического позитивизма, господствовавшая в науке международного права в XIX и начале XX века.

Подход современных российских ученых к данной проблеме обусловлен стремлением дать теоретическое и практическое истолкование относящихся к ней положений Конституции Российской Федерации 1993 г. [6].

Вступление в силу Конституции обнаружило теоретическую и практическую неподготовленность российских юристов - как теоретиков, так и практиков - в вопросах соотношения международного и национального права, что связано с историческим прошлым страны, а именно с почти полным отсутствием в практике применения иностранного права в советских судах. Это породило оживленную дискуссию о том, как следует понимать конституционные положения о соотношении международного и национального права, из которой выделилось два основных направления в понимании этого вопроса: с одной стороны, согласие с мнением о примате международного права на основе его конституционного закрепления (что нашло свое отражение в работах А.Н. Талаева), с другой - признание непосредственного верховенства Конституции в системе источников права (Е.Т. Усенко).

Основная же проблематика и парадоксальность проблемы, порождающей споры ученых, заключается в том, что текст Конституции дает основания для обоих выводов.

Так, согласно ч. 1 ст. 15 Конституции прямое действие и применяется на всей территории Российской Федерации. Законы и иные правовые акты, принимаемые в Российской Федерации, не должны противоречить ее Конституции. Однако в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Кроме того, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора.

Из этого следует, что юридическая сила международных договоров выше, чем юридическая сила федерального законодательства, однако, это не отменяет наличие наивысшей юридической силой Конституция Российской, что подтверждается частью 1 статьи 15 Конституции Российской Федерации, а также содержанием Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», предусматривающего то, что в случае содержания международным договором таких норм, которые требуют изменения отдельных положений Конституции, решение о согласии на его обязательность для Российской Федерации будет возможно только в форме федерального закона после внесения поправок в Конституцию или пересмотра ее положений [8].

В настоящее время заметно видоизменяется форма и содержание взаимодействия международного и внутригосударственного правовых систем. В современных условиях глобального, взаимозависимого мира, с одной стороны, возрастает роль международного права в процессах взаимодействия с национальными правовыми системами, с другой стороны, усиливается воздействие национальных правовых систем на нормы и институты наиболее динамичных отраслей международного права. Все более возрастающей функцией международного права становится ориентация национальных правовых систем посредством правового инструментария на решение общечеловеческих проблем. В процессе взаимодействия национального и международного права вырисовываются такие концепции как имплементация, адаптация, трансформация или интеграция международного права в национальную систему. Их суть заключается во взаимопроникновении, благотворном влиянии и воздействии правовых систем друг на друга, их взаимной гуманизации и демократизации, а так же обеспечении дальнейшего прогрессивного развития мировой и национальной правовых систем.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что соотношение норм международного и внутригосударственного права — проблема не только сугубо юридическая, но также социальная и политическая. Задача международного права — закрепление в юридической форме и обеспечение функционирования определенной системы отношений. Поэтому эффективность международного права и его норм зависит, в конечном счете, от наличия соответствующих политических, социальных, экономических и других предпосылок — от состояния самих международных отношений и внутригосударственного правопорядка. Как верно отмечает Рогожин, для того чтобы в полной мере отвечать своему предназначению, "международное право в перспективе должно стать межцивилизационным, отражать взаимодействие и идейную борьбу различных религий, идеологий, правовых систем, ценностей и стремиться к их синтезу. В качестве основы международного права логично было бы утвердить идею человеческого и межэтнического общения, диалога цивилизаций, сотворчества культур... В случае столкновения различных нравственно-правовых учений и подходов к международно-правовому регулированию в основу согласования воли и разграничения интересов может быть положено лишь то, что всем им не чуждо, всеми ими признается. В этом контексте особую роль играет преодоление основного различия современного западного права и правосознания от иных правовых систем современности"[12]. Схожим является и мнение Буткевича о том, что "Эффективное упорядочение обеих правовых систем своих отношений зависит и от взаимосогласованности их норм. Нет необходимости переводить (преобразовывать) нормы одной системы права в другую, нужно только то, чтобы они содействовали, а не противодействовали одна другой в функционировании" [13].

Таким образом, в настоящий момент в условиях стремительно меняющейся социо-экономико-политической обстановки все более видится необходимость трансформации международного и российского

национального права в целях нахождения оптимального сочетания их интересов, совместной ориентации на соблюдение прав и свобод человека, а также преодоления региональных тенденций развития в сторону универсализации и обеспечение верховенства права, иными словами, достижения единства международной и внутренней законности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. – М., 2015. – С. 11- 16.
2. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О.Э. Лейста – М.: Юридическая литература, 2014. – 576 с.
3. Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право. - М., 1960. – 238 с.
4. Анцилотти Д. Курс международного права. Том 1, Введение - Общая теория. Пер. с итал. А.Л. Саккети, Э.М. Фабрикова; Под ред. Д.Б. Левина. М.: ИЛ, 1961. – 457 с.
5. Бекашев К.А. Международное публичное право.- М., 2013. – 640 с.
6. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г.) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
7. Муромцев Г.И., Рияд Таха Шамсон Соотношение международного и внутригосударственного права (эволюция основных подходов) // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2002. №2.
8. Буроменский М.В., Кудас И.Б., Маевская А.А., Семенов Б.С., Стешенко В.С. Международное право: Учеб. пособие / Н.В. Буроменский (общ. Ред.). - М.: Интер, 2005. – 336 с.
9. Карташкин В.А. Права человека в международном и внутригосударственном праве. М.: Институт государства и права РАН, 1995. – 170 с.
10. Кутафин О. Е. Источники конституционного права РФ. М.: Юрист, 2002. – 348 с.
11. Бабай А.Н., Тимошенко В.С. Роль общепризнанных принципов и норм международного права в правовой системе России // Закон. 2006. № 11.
12. Рогожин С.Л. Международное право как диалог и столкновение цивилизаций // Московский журнал международного права. 2002. № 3.
13. Буткевич В.Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. Киев: Вища школа, 1980.

ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ДЕМОНСТРАЦИЮ И ПРОПАГАНДУ НАЦИСТСКОЙ АТТРИБУТИКИ И СИМВОЛИКИ

**П.В. Пошелов,
магистрант ЧОУ ВО «ОмЮА»
направление «Юриспруденция»
poshelov@bk.ru
Научный руководитель:
Ю.С. Пестерева,
доцент кафедры уголовного права и
криминологии ЧОУ ВО «ОмЮА»,
кандидат юридических наук, доцент**

Федеральным законом от 04.11.2014 № 332-ФЗ в статью 20.3 КоАП РФ были внесены изменения, из которых самое неприметное – изменение союза, связывающего два слова в этой статье. Если до принятия данного закона диспозиция статьи выглядела как «пропаганда и публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики», то после изменений – «пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики».

Теперь всякая демонстрация нацистской атрибутики и символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, будет подпадать под сферу действия